

А. А. Новохатько (Фрейбург)

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОНИМАХ И ЭТНОСТЕРЕОТИПАХ В КЛАССИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ (V в. до Р.Х.)

В древнегреческих архаических текстах, а особенно в гомеровском эпосе, есть много примеров тому, как «свой» противопоставляется «чужому», «чужак» сравнивается с «местным», и они взаимодействуют в процессе коммуникации. Эта коммуникация по-разному оценивается и интерпретируется поэтами в литературных текстах.

Классической иллюстрацией может послужить обращение Ириды к Гектору во второй песни «Илиады». По ее словам, в великом городе Приама много союзников, и каждый говорит на своём языке («*ἄλλη δ' ἄλλων γλῶσσα πολυσπερέων ἀνθρώπων*»), дословно «разный язык у разных во множестве посеянных людей»), и Приам царствует над всеми (Ном. II. 2.803–806). В девятнадцатой песни «Одиссеи» подобно описывается Крит, где девяносто городов населяют несчётные народы («*ἐν δ' ἄνθρωποι πολλοὶ ἀπειρέσιοι, καὶ ἐννήκοντα πόλεις*»), смешаны разные языки («*ἄλλη δ' ἄλλων γλῶσσα μεμιγμένη*»), там живут ахейцы, этеокритяне, кидоны, дорийцы, пеласги (Ном. Od. 19.172–177). Греки не отличаются здесь от не-греков. Этноним *Δωριέες* ‘дорийцы’ был причиной, по которой указанный пассаж «Одиссеи» считали интерполяцией, так как другого упоминания дорийцев у Гомера нет (Morpurgo Davies 2002: 165 сн. 26; Rutherford 1992: 157–159).

Описание Крита в «Одиссее» свидетельствует не только об осознании этнических и языковых различий внутри такой ограниченной территории, как остров, но, что гораздо важнее, об осознании взаимного влияния языков, наречий и диалектов друг на друга («*ἄλλη δ' ἄλλων γλῶσσα μεμιγμένη*»). Вообще в «Одиссее», тематизирующей странствие и различие культур, неоднократно подчёркивается коммуникация чужих народов друг с другом (Ном. Od. 1.183; 3.302; 15.453).

Другим важным ранним свидетельством является употребление корня *βαρβαρ-* в прилагательном *βαρβαρόφωνος* (Ном. II. 2.867). В послед-

ние годы активно обсуждалось, означает ли это, что концепт “грек — варвар” можно датировать VIII в. до Р.Х., или же слово означает здесь только грубый, жёсткий говор, а не чужой язык (Mac Sweeney 2013: 64, подробная библиография в сн. 57).

Далее, 591 г. до Р.Х. датируется греческая надпись, высеченная на скале Абу-Симбел в Нубии на фигуре второго колосса в южной части Малого храма. Надпись была оставлена ионийскими и дорийскими наёмниками, пришедшими сюда при Псамметихе II, во время преследования отступавших от Элефантины к Эфиопии воинов, и гласит: «ἀλογλόσος δ' ἦχε Ποτασιμτο, Αἰγυπτίος δὲ Ἀμασις» (SEG 16:863; GHI 7a, 4 M–L). Генерал Потасимто, видимо, вёл иностранцев («другоголосых», ἀλογλόσος), в то время как генерал Амасис возглавлял отряд египтян¹.

В архаическом греческом четыре существительных обозначают язык, акцент или произношение: *θρόος*, *γῆρυς*, *γλώσσα* и *φωνή*, последние два со временем станут филологическими терминами, но чёткого разграничения между вариативными отклонениями внутри одного языка и разными языками на уровне терминологии нет. Два прилагательных означают ‘на иностранном языке’: *ἀλλόθροος* и *ἀλλόγλωσσος*, ещё два означают звуковую окраску в произношении: *βαρβαρόφωνος* относится к карийцам, в то время как *ἀγριόφωνος* относится к лемносцам. Этнолингвистическая вариативность появляется, возможно, в форме аллегорезы, когда дориец, иониец и эолиец происходят от отца эллина (Hes. fr. 9 M–W; Hainsworth 1967: 65). В архаический период в Греции не засвидетельствованы теоретические рассуждения об этнических и диалектальных различиях, но, несомненно, заложены концептуально-терминологические основы культурной и языковой вариативности.

В течение V в. до Р.Х. число литературных источников, упоминающих этнонимы и диалекты, неизменно растёт. Это, с одной стороны, объясняется прибавляющим количеством письменных свидетельств, а с другой стороны — повышающимся интересом к вопросу (этно)коммуникации.

Так, Орест в трагедии Эсхила «Хоэфоры» (458 г. до Р.Х.) говорит, что он и Пилад постучатся в дом Эгисфа под видом путников, оба будут говорить на парнасском наречии / языке, подражая фокийскому диалекту / языку («ἄμφο δὲ φωνὴν ἧσομεν Παρνησιδα / γλώσσης αὐτὴν

¹ Подробный разбор надписи см. в (Hauben 2001); см. также (Lloyd 1975: 21–22).

*Φωκίδος μιμουμένω», Aesch. Ch. 563–564). Высказывание Ореста должно напомнить афинскому зрителю в театре, что в Аргосе Орест будет говорить на северо-западном греческом диалекте Фокиды, чтобы его не узнали. Важно упомянуть здесь также постепенное становление терминологии: парнасское наречие (*φωνή*) относится к языку / диалекту (*γλῶσσα*) Фокиды¹.*

Значительную роль этнолингвистические противопоставления играют в «Историях» Геродота (до 424 г. до Р.Х.) и отражают, по всей вероятности, расхожее мнение его современников. В восьмой книге сформулирован принцип «греческости» (*τὸ Ἑλληνικόν*) как кровного и языкового родства с другими эллинами, общих святилищ богов, жертвоприношений на празднествах и подобного образа жизни («*αὐτίς δὲ τὸ Ἑλληνικόν, ἐὸν ὁμαίων τε καὶ ὁμόγλωσσον, καὶ θεῶν ἰδρύματά τε κοινὰ καὶ θυσίαι ἡθεὰ τε ὁμότροπα*», Hdt. 8.144.2). Как отметила Эдит Холл,

[t]he priority of the linguistic criterion in the Greeks' self-determination of their ethnicity is not surprising when one considers their geographical dispersal over numerous coasts and countless islands, and the enormous variety in way of life, political allegiance, cult, and tradition amongst the different communities, whether Ionian, Dorian, or Aeolian. [...] No other ancient people privileged language to such an extent in defining its own ethnicity².

Наконец, жанр древнеаттической комедии, в которой отражена и воспроизведена многоголосная палитра афинского общества, также позволяет судить о быстро растущем осознании языковой вариативности и этностереотипов в афинском полисе. К примеру, в комедии «Вавилоняне» (426 г. до Р.Х.) Аристофан употребляет глагол *λακεδαίμονιάζω* ‘вести себя по-спартански’ (Ag. fr. 97 PCG). Само название комедии наводит на мысль о противопоставлении «афинского» «чужестранному», что, вероятно, в контексте войны Афин со Спартой отразилось и в сюжете. Глаголы на *ιάζω* и *ίζω*, производные от этнонимов, всё чаще встречаются в греческом языке в течение V в. до Р.Х.: *δωριάζω* (‘вести себя / говорить

¹ В трагедии Эсхила «Семеро против Фив» (467 г. до Р.Х.) встречается прилагательное *ἑτερόφωνος* ‘с другим голосом’ в отношении вражеской (но грекоговорящей) армии (Aesch. *Sept.* 170).

² Hall (1989: 4–5). См. также Morpurgo Davies (2002: 166). Ср. другие места у Геродота, где обсуждаются этнолингвистические вопросы, Hdt. 1.56–57, 1.142, 2.154.4, 4.78, 6.138, 8.135. Это подробнее рассматривается в моей статье (Novokhatko (в печати)).

по-дорийски'), *λεσβιάζω* ('~ по-лесбосски'), *βοιωτιάζω* ('~ по-беотийски'), *χιάζω* ('~ по-хиосски'), *σιφνιάζω* ('~ по-сифносски'), *αἴγυπτιάζω* ('~ по-египетски'), *λυδίζω* ('~ по-лидийски'), *μηδίζω* ('~ по-мидийски'), *λακωνίζω* ('~ по-лаконски'), похожий на *λακεδαιμονιάζω* ('~ по-спартански'), *θητταλίζω* ('~ по-фессалийски'), *ἀττικίζω* ('~ по-аттически'), *βαρβαρίζω* ('~ по-варварски'), *ἐλληνίζω* ('~ по-гречески') (Orth 2017: 533–536).

Комедия выводит этностереотипы на сцену и высмеивает их¹. Например, в сохранившихся комедиях Аристофана по большим партиям драмы прослеживается четкое противопоставление аттического характера другим региональным типам: мегарскому и беотийскому в «Ахарнях» (Ar. *Ach.* 729–835, 860–954), ионийскому в «Мире» (Ar. *Pax* 45–48), лаконскому в «Лисистрате» (Ar. *Lys.* 1242–1315). Фрагменты древнеаттической комедии дополняют эту картину. Персонаж в «Финикиянках» Страттида высмеивает беотийский диалект, подробно разбирая непонятные слова (Stratt. fr. 49 PCG); Евполид в «Илотях» использует дорийские морфемы и лексемы, видимо, подчёркивая происхождение персонажа (земледельцы-илоты происходили от покорённых дорийцев, Eur. frs. 147, 149, 150, 151, 154, 155 PCG, это комментируется в Olson 2016: 11–26); доктор на сцене, как правило, говорит на дорийском (у Кратета: Crat. fr. 46 PCG) или ионийском (у Амейпсия: Ameips. fr. 17 PCG) диалекте (Zimmermann 2014: 5). Политик Клеофон в комедии Платона высмеивается за то, что его мать говорит с ним на варварском фракийском (Plat. Com. fr. 61 PCG).

Этноязыковая вариативность, маркированная в драме, узнавалась и определялась зрителем афинского театра. Эта маркированность драматического текста, произносимого на сцене и воспринимаемого зрителем на слух, выполняла функцию интеллектуальной рефлексии современных автору и зрителю процессов, но одновременно способствовала развитию новой терминологии для дальнейшего теоретического изучения этнонимов и языковой вариативности (Hall 1997: 170–177; Consoni 2014).

¹ Следует отдельно отметить названия несохранившихся или фрагментарно сохранившихся комедий, из которых следует, что тема этноязыковых изысканий была в центре внимания в классическом полисе: «Персы или ассирийцы» Хионида, «Лидийцы» Магнета, «Самосцы» Кратета, «Персы» Ферекрата, «Фракиянки» Кратина, «Спартанцы (Лаконцы)» Кратина, Евполида, Платона и Никохара, «Македоняне» и «Финикиянки» Страттида и т.д.

В заключение нужно сказать, что к концу архаического периода греческие тексты фиксируют осознание диалектальных различий внутри греческого языка от не-греческих языков. В классический период проза (Геродот, Фукидид) и драма (Эсхил, Софокл, Еврипид, Аристофан, а также фрагментарно сохранившийся корпус классической драмы) предоставляют основной материал для исследования. Интенсивное развитие технической лексики в течение и особенно к концу V в. до Р.Х. в разных областях (этнонимы и диалекты не составляют исключения) создаёт терминологические предпосылки для позднейших этнографических и диалектологических штудий.

ЛИТЕРАТУРА

- Consani 2014 — *Carlo C.* Ancient Greek sociolinguistics and dialectology // *Encyclopedia of Ancient Greek Language and Linguistics* / Giannakis G.K. (ed.). V. 1. Leiden; Boston: Brill, 2014. P. 117–124.
- Hainsworth 1967 — *Hainsworth J. B.* Greek views of Greek dialectology // *Transactions of the Philological Society* 1967 (66), 1. P. 62–76.
- Hall 1989 — *Hall E.* *Inventing the Barbarian: Greek self-definition through tragedy.* Oxford: OUP, 1989.
- Hall 1997 — *Hall J. M.* *Ethnic identity in Greek antiquity.* Cambridge: CUP, 1997.
- Hauben 2001 — *Hauben H.* Das Expeditionsheer Psamtiks II. in Abu Simbel (593 / 592 v. Chr.) // Geus K., Zimmermann K. (Hrsg.). *Punica — Libyca — Ptolemaica* (FS W. Huß; *Studia Phoenicia* 16; *Orientalia Lovaniensia Analecta* 104). Leuven: Peeters, 2001. P. 53–77.
- Mac Sweeney 2013 — *Mac Sweeney N.* *Foundation myths and politics in ancient Ionia.* Cambridge: CUP, 2013.
- Morpurgo Davies 2002 — *Morpurgo Davies A.* The Greek notion of dialect // *Greeks and barbarians* / Harrison T. (ed.). Edinburgh: Routledge, 2002. P. 153–171.
- Novokhatko (в печати) — *Novokhatko A.* Awareness of linguistic variation in archaic and Classical Greece // *Towards a history of dialect studies* / Van Rooy R. (ed.). Münster: Nodus Publikationen (в печати).
- Olson 2016 — *Olson S.D.* *Eupolis. Heilotes — Chrysoum genos* (fr. 147–325) / *Transl. and comm.* Heidelberg: Verlag Antike, 2016.
- Orth 2017 — *Orth Ch.* *Aristophanes. Aiolosikon — Babylonioi* (fr. 1–100) / *Übersetzung und Kommentar.* Heidelberg: Verlag Antike, 2017.

PCG = Poetae Comici Graeci / Kassel R., Austin C. (ed.). Vol. 1–8. Berlin; New York, 1983–.

Rutherford 1992 — *Rutherford R. B.* Homer, Odyssey, books XIX and XX / Comm. Cambridge: CUP, 1992.

Zimmermann 2014 — *Zimmermann B.* Dialekte und ‚foreigner talk‘ im griechischen Drama // Komparatistik online 2: Polyglotte Texte, 2014. P. 1–11.